

Раса Паукштите-Шакнене
(Вильнюс, Литва)

ВОСПРИЯТИЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Исследуя быстро меняющуюся современную культуру, этнологам необходимо пересмотреть концепцию традиции. В работах нынешних этнологов и фольклористов появляются термины «изобретенная традиция» («invented tradition») или даже «современная традиция» («instant tradition»). Но как традицию понимает современный человек? Цель этой статьи – по данным этнографических полевых исследований 2011 года попытаться выявить, как осознает традицию современная городская молодежь в Литве.

Ключевые слова: современная культура, городская культура, традиция, молодежь, Литва.

While examining the dynamic modern culture the ethnologists need to revise a tradition conception. The «invented tradition» and «instant tradition» terms appear in the works of the contemporary ethnologists and folklorists. However what way a modern man used to realize a tradition? The paper's object is an endeavor to reveal by the instrumentality of the ethnographical field researches' information how a modern urban youth in Lithuania realizes a tradition.

Keywords: contemporary culture, urban culture, tradition, youth, Lithuania.

Этнологи, изучая быстро меняющуюся современную культуру, вынуждены искать более динамичные концепции культурного наследия и постоянно пересматривать содержания понятия *традиция*. Целью этой статьи является анализ различных используемых в научной литературе наполнений понятия *традиция*, существовавших во второй половине XX и в начале XXI в. в Литве, а также выявление смыслов, которые вкладывает в понятие *традиция* современная городская молодежь.

Понимание традиции многозначно. В этнологии традиция обычно оказывается связанной с определенным набором знаний (традиционное знание), образом жизни (традиционная культура) или типом деятельности и объектом (традиция или традиционное искусство). Значение латинского слова *tradere* актуально и сегодня: чаще всего традиция понимается как передача чего-либо из поколения в поколение или передача традиционных знаний либо фольклора [6, р. 660]. В то же время, народные обычаи определяются как традиционные, повторяющиеся события жизненного и календарного циклов, отмечающие определенные формы перехода индивида из одного состояния в другое [1, р. 209]. Как считает Казимир Добровольский (Kazimierz Dobrowolski), традиция охватывает передачу культурного наследия из поколения в

поколение, но при этом различаются способы передачи. Культура может передаваться как устно, так и с помощью печати и других медиальных средств [4, р. 261,262]. Еще в 1956 году Роберт Редфилд (Robert Redfield) выделил две традиции – большую и малую (*great and little traditions*). Первая – университетская и церковная традиция, вторая – традиция крестьянской общины [17].

Две традиции выделяет этнолог Ангеле Вишняускайте в 1967 году в книге «Литовские семейные традиции»: «Современные традиции, которые по существу отражают наилучшие черты традиции, достигшей наших дней, и предполагают их продолжительность, но могут иметь и отрицательные черты (безудержное пьянство) и старые традиции (например, не забыть вежливое поведение в гостях)» [21, р. 10]. С точки зрения временной перспективы название книги А. Вишняускайте остается значимым. Через десять лет в США была опубликована монография Стасиса Илы (Stasys Yla) «Lietuvių šeimos tradicijos. Šeimos kūrimo vyksmai» («Литовские семейные традиции. Процесс создания семьи») – первая работа, посвященная литовцам-эмигрантам. Автор определяет традицию как столетиями накапливаемую мудрость и опыт народа, в семье традиция является воплощением кодекса порядочности, применяемого в семейной педагогике [11, р. 10–13]. С. Ила подчеркивает, что

соотношение *привычка – обычай – традиция* расширяет число приверженцев кодекса порядочности. Привычки часто перерастают в обычаи, а обычаи – в традиции. Автор выделяет и негативные обычаи, но не связывает их с традицией [11, р. 17].

Работы обоих ученых говорят о том, что важнейшим для авторов является ценностный аспект традиции. При этом понятие традиции в исследовании С. Илы более статично, поскольку автор отказывается от возможности радикального изменения понятия.

Казалось бы, в советских пропагандистских изданиях, таких как «*Naujo gyvenimo tradicijos*» («Традиции новой жизни») [3] или «*Tradicijos vakar ir šiandien. Religinių tradicijų pakeitimas naujomis šventėmis ir apeigomis*» («Традиции вчера и сегодня. Замена религиозных традиций новыми праздниками и обрядами») [16], не должна была акцентироваться продолжительность традиций во времени при сохранении признания ценностной силы (народной мудрости) традиций. Во второй работе подчеркивается, что хотя традиция и служит для передачи из поколения в поколение образа жизни, норм общения и поведения, определенных моральных принципов, обычаев и проч., она является поступательной до тех пор, пока отвечает историческим условиям, становясь тормозом развития в том случае, когда она культивирует устаревший образ жизни [16, р. 6]. На этом основании выделяются в том числе и негативные «религиозные традиции». Автор признает, что в первые годы своего существования советская власть в поисках верного пути впадала в крайность: «традиции создавались на пустом месте или даже заимствовались из других краев и местностей». Но эта практика не имела успеха, поскольку вновь созданные традиции никто не связывал с местными обычаями [16, р. 79].

Несмотря на то что в советский период традиция понималась так, как того требовали идеологические интересы того времени, содержание понятия «традиция» различно для каждого из трех вышеупомянутых авторов: этнолога, теолога и атеиста. На этом основании нам кажется не совсем точным связывать новый взгляд на традицию с именами таких ученых, как Э. Хобсбаум (E. Hobsbawm) и Т. Рангер (T. Ranger), доказавшими, что традиция может быть

сформирована в течение достаточно непродолжительного времени [9], поскольку можно утверждать (предположить), что в советской науке динамическое понимание традиции появляется раньше, чем на Западе. С другой стороны, анализируя советский период, можно выявить и соответствия большой и малой традициям Р. Редфилда: новые гражданские традиции соотносятся с большой (элитарной) традицией, а народные обряды – с малой. В то же время, в работах жившего в эмиграции С. Илы традиция понимается как монументальная, аутентичная, устно передаваемая.

Возникает вопрос и о том, почему идеологи советского периода соотносили новые ритуалы с традицией? Ответ дает исследовательница современных ритуалов Катрин Бель (Catherine Bell), считающая, что ритуал, не имеющий никаких связей с религией, большинством людей воспринимается как аномальный, неподлинный и неудовлетворительный [2, р. 145].

В период Саюдиса литовский народ пережил огромную волну религиозного и патриотического подъема. В 1988–1990 годах и позже появилась возможность отказаться от навязанных в советское время традиций и восстановить старые. После 1990-х исчезает ритуал гражданского имянаречения [15, р. 17–64], а при создании семьи наряду с гражданским бракосочетанием или вместо него все чаще практикуются церковные ритуалы [20, р. 117–168]. Возрождается и часть старых календарных обычаев [18, р. 65–116]. Но, как показывают этнологические исследования, через пятьдесят лет традиция, передававшаяся из поколения в поколение, оказывается прерванной. Причиной изменений религиозного аспекта традиции стали модернизация и секуляризация. При этом, при росте темпов проникновения изменений в культуру все труднее становится обеспечить преемственность культуры от поколения к поколению не только родителям, но и «учителям всех мастей» [5, р. 156–157]. Прерывающиеся связи поколений позволили сохранить динамичное понимание традиции. Согласно А. Вишняускайте, при изменениях опыта людей, понимания мира и образа жизни, а также отношений, меняются и традиции, обычаи и привычки общества, но, как замечает этнолог, для этой области характерен и определенный консерва-

тизм [22, р. 47]. В работе Йозаса Кудирки (Juozas Kudirka) «Papročiai ir kaimo kultūra» («Обычаи и деревенская культура») обычаи определяются как обоснованная традициями сбалансированная совокупность передаваемых из поколения в поколение привычек и обрядов. По мнению автора, привычки и обряды функционируют благодаря трем принципам: 1) наследие с современными связями соединяют ценностные связи; 2) обычаи являются постоянно самообновляющимся общественным явлением; 3) каждый человек, оставаясь неизвестным, может изменять и обогащать привычки и обряды. Обычаи передаются из поколения в поколение благодаря традиции. Являясь наследием предыдущих поколений, традиции передают и сохраняют только необходимые явления культуры. Перекрытые ценности новые поколения дополняют своими ценностями [12, р. 9].

Возникает вопрос о том, сохраняется ли в современной культуре ценность передаваемой из поколения в поколение устной традиции? Проведенное в 2001–2002 годах исследование обряда крестин среди жителей Вильнюса показало, что процесс передачи и усвоения семейных обрядов определяется культурной средой происхождения респондента, и более того – живой устной традицией. И все же наблюдается секуляризация традиционных крестин в городских условиях, кроме того, обряды, «импортированные» из других местностей, утрачивают многие ранее присущие им содержательные черты [14, р. 124]. Этой проблематикой занимался и Жильвитис Шакнис (Žilvytis Šaknys). Исследуя культуру литовцев окрестностей Пунска (Польша), ученый также подчеркивал силу традиции (полевые исследования 2005 г.). И все же, по мнению Ж. Шакниса, в современном обществе традиция уже не понимается как передающиеся и перенимаемые из поколения в поколение обычаи. Традиция может быть «изобретена» на основе символов литовского самосознания, модифицирована или даже импортирована при декларировании приоритета уровня этнической культуры над локальной, вместе с тем традиция может быть и значимым источником могущества при осуществлении контроля над молодым поколением, передаче важнейшей ценности отцов и дедов – литовского самосознания [19, р. 92].

При исследовании традиций часто упоминается Эрик Хобсбаум (Eric Hobsbawm), автор понятия *изобретенные традиции* (*invented traditions*) [8, р. 263–308]. К этому понятию близко понятие *современная традиция* (*instant tradition*), в последнее время выдвигающая на первое место ценность явления и связь с народной культурой. Шведская фольклористка Марлен Хугосон (Marlene Hugoson) сформулировала это понятие, анализируя молниеносное распространение шведского Пасхального дерева: явление, появившееся десятилетие назад, уже называют традицией [10, р. 75–86]. К похожим выводам пришла и Сашико Хатанака (Sachiko Hatanaka) при исследовании традиции в современной Японии: ученый утверждает, что «традиция не обязательно означает лишь наследие культуры, переданной из прошлого. Считается, что традиция имеет определенный смысл и приносит практическую пользу в современной жизни. Поскольку традиция формирует чувство привязанности, равно как и зависимости (или ограничения), она помогает членам общества осознать значимость единства в жизни общества» [7, р. 54].

Похожая формулировка содержится и в Законе Литовской Республики о поддержке этнической культуры: наследие этнической культуры понимается как «культурные ценности, сформированные народом в прошлом и сохранившиеся до наших дней», в то время как живая традиция этнической культуры – «передача унаследованной народом культуры, ее создание и возобновление» [13, р. 5].

Рассмотрев возможные взгляды на традицию и обычаи с точки зрения основного аспекта, попытаемся раскрыть, как осознаются эти понятия молодыми людьми в быстро меняющейся литовской культуре XXI в. Для этой цели воспользуемся материалом этнографических полевых исследований 2011 года (данные собраны студентами Литовского университета эдукологии).

В ходе этнографического исследования по составленной мною этнографической анкете были опрошены 33 мужчины и 53 женщины. Большая часть респондентов (71 опрошенный) родилась в последнее десятилетие XX в. (13 респондентов родилось в последнее десятилетие XX в., и только 2 – в 90-х годах XX в.). Из 86-ти респондентов у 28-ми высшее, у остальных – среднее или неоконченное высшее

образование (в настоящее время респонденты обучаются в высших учебных заведениях). Абсолютное большинство респондентов постоянно проживает в Вильнюсе.

Как респонденты определяют понятие *традиция*? Необходимо констатировать, что ответы респондентов очень разные. На первый взгляд простой вопрос часто заставлял респондента задуматься. Почему? Ответив на вопрос о том, что такое традиция, респондент должен был дать определение обычая. Для большинства респондентов традиция прежде всего ассоциируется с нормами поведения, унаследованными от отцов и дедов. Так, родившаяся в 1988 году вильнюсчанка считает традицией «исторически сложившиеся, имеющие культурный багаж, циклически повторяющиеся привычки и обычаи» [23 (32)]. Некоторые респонденты считают обычаи синонимом традиции, некоторые придерживаются мнения, что обычаи и составляют традицию или являются ее составной частью. Например, «обычай и есть традиция» – так считает родившаяся в 1990 году женщина [23 (32)].

Несмотря на то что традиция наиболее часто понимается как более общее явление, а обычаи – как нечто более близкое к людям и их быту, во всех случаях практически не остается места для мысли о том, что человек сам может или хочет эту традицию изменить, поскольку, как отметила родившаяся в 1981 году респондентка, «традицию создали люди, а не один человек» [23 (32)]. С другой стороны, продолжение или возобновление традиции чаще всего соотносится с явлениями, находящимися в непосредственной близости к человеку, т. е. с праздниками, отмечаемыми в семье. Согласно мнению респондента, 1990 г. р., «это праздники, какие-то вещи, которых придерживаются испокон веков, например, на Рождество мы всегда едим 12 блюд» [23 (11)].

Традиция может быть соотнесена с обществом или считаться отличительной чертой нации. Таким образом, в современном обществе традиция понимается как постоянно продолжающийся, из поколения в поколение передающийся и практически непрерывный процесс. Обычаи, чаще всего соотносимые с меньшим социальным сообществом (например, семьей или определенной группой), респонденты считают более древними и архаичными по сравнению с традицией, которая, в свою оче-

редь, соотносится с народом. Например, как считает респондент, 1981 г. р., «обычай – это то, что пришло из древности, передаваемое из поколения в поколение, возможно, несколько измененное, но архаичное по сути» [23 (29)]. Лишь немногие респонденты предполагают, что для традиции не характерна протяженность. В то же время, говоря об обычаях, респонденты рассматривают больше возможностей прекращения обычаев и установления новых. Респондентка, 1990 г. р., считает, «что традиция передается из поколения в поколение исстари, а обычай можно по ходу дела изменить или добавить что-то новое» [23 (69)]. Другая, 1986 г. р., считает, что можно заново создать как традицию, так и обычай, утверждая, что традиция предназначена для более широких масс, но она может «сформироваться в новое время и необязательно должна прийти из прошлого», а обычай, как более узкое явление, также может исчезнуть [23 (20)]. Надо отметить, что эта точка зрения редко высказывается проживающими в Вильнюсе молодыми людьми.

Подавляющее большинство респондентов не сомневается в том, что как традиции, так и обычаи передаются из поколения в поколение устно или в процессе наблюдения за ними и участия в них, а также при вовлечении в соответствующую деятельность. Во всех случаях семья является доминирующей средой, в которой и проходит этот процесс. Передача происходит в семье несколькими выделенными респондентами путями: 1) деды – родители – дети; 2) родители – дети; 3) деды – внуки; 4) в процесс передачи и усвоения вовлекается круг родственников; 5) эта миссия становится задачей для более широкого круга людей – для общества.

Не отрицается и влияние современной культуры через телевидение, средства массовой информации, интернет, но источником знаний средства массовой информации назвала меньшая часть респондентов. При этом чаще всего респонденты выделили их как дополнительный источник информации, используемый для дополнения или углубления своих знаний о традициях и обычаях других культур.

Таким образом, можно говорить о том, что и в советское время, и после восстановления независимости в работах литовских этнологов присутствовало понятие

динамичной, необязательно передаваемой и перенимаемой из поколения в поколение, воплощающей ценности / силу традиции.

Понимание традиции современной городской молодежью отличается соотношением традиции с более широкими слоями общества и отрицанием возможности изменения традиции. Тем не менее, до настоящего времени сохраняется ценностная точка зрения и приоритет традиции, устно передаваемой из поколения в поколение. Устная передача традиции в семье, как показало упомянутое исследование, определяет более статичное понимание традиции молодежью и расхождение этого понимания с толкованиями традиции, предлагаемыми учеными.

Литература

1. *Agozzino M.-T.* Folk Custom // Encyclopedia of Women's Folklore and Folklife. – Westport, Connecticut ; London, 2009. – P. 209–212.
2. *Bell C.* Ritual. Perspectives and Dimensions. – New York ; Oxford, 1997.
3. *Černeckis V.* Naujo gyvenimo tradicijos. – Vilnius, 1961.
4. *Dobrowolski K.* Peasant Traditional Culture / T. Shanin (ed.) // Peasants and Peasant Societies. – Oxford ; New York, 1987. – P. 261–277.
5. *Eriksen T. H.* Akimirkos tironija. Greitis ir lėtasis laikas informacijos amžiuje. – Vilnius, 2004.
6. *Ferel A.* Tradition // Encyclopedia of Women's Folklore and Folklife. – Westport, Connecticut ; London, 2009. – P. 660–664.
7. *Hatanaka S.* Tradicija šiuolaikinėje Japonijoje: tradicijos išradimas // Lietuvos etnologija. Socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. – 2002. – N 2 (11). – P. 51–70.
8. *Hobsbawm E.* Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 / Hobsbawm E. & Ranger T. (eds) // The Invention of Tradition. – Cambridge, 1983. – P. 263–308.
9. *Hobsbawm E. & Ranger T.* (eds). The Invention of Tradition. – Cambridge, 1983.
10. *Hugoson M.* «Instant tradition»: The Introduction of the Swedish Easter Tree // Folklore. – 2006. – Vol. 117. – P. 75–86.
11. *Yla S.* Lietuvių šeimos tradicijos. Šeimos kūrimo vyksmai. – Chicago, 1978.
12. *Kudirka J.* Papročiai ir kaimo kultūra. – Vilnius, 1996.
13. Lietuvos Respublikos etninės kultūros valstybinės globos pagrindų įstatymas // Etninė kultūra. Etninės kultūros globos tarybos informacinis leidinys. – 2001. – 5–8.
14. *Paukštytė-Šaknienė R.* Liaudies kultūra mieste. Vilniečių krikštynos // Lituanistica. – 2003. – T. 2 (54). – P. 112–125.
15. *Paukštytė-Šaknienė R.* Vaiko gimties socialinio įteisinimo papročiai // *Paukštytė-Šaknienė R., Savoniakaitė V., Šaknys Ž., Šidiškienė I.* Lietuvos kultūra. Aukštaitijos papročiai. – Vilnius, 2007. – P. 17–64.
16. *Pečiūra P.* Tradicijos vakar ir šiandien. Religinių tradicijų pakeitimas naujomis šventėmis ir apeigomis. – Vilnius, 1974.
17. *Redfield R.* Peasant Society and Culture. An Anthropological Approach to Civilization. – Chicago, 1956.
18. *Šaknys Ž.* Jaunimo iniciaciniai ir kalendoriniai papročiai // *Paukštytė-Šaknienė R., Savoniakaitė V., Šaknys Ž., Šidiškienė I.* Lietuvos kultūra. Aukštaitijos papročiai. – Vilnius, 2007. – P. 65–116.
19. *Šaknys Ž.* Kultūros transmisijos problema Punsko apylinkėse // Etninės kultūros tradicijų tęstinumas ir iššūkiai šiuolaikinėje visuomenėje. – Klaipėda, 2009. – P. 87–93.
20. *Šidiškienė I.* Kultūrinio tapatumo gairės. Simboliniai veiksmai vestuvėse // *Paukštytė-Šaknienė R., Savoniakaitė V., Šaknys Ž., Šidiškienė I.* Lietuvos kultūra. Aukštaitijos papročiai. – Vilnius, 2007. – P. 117–168.
21. *Vyšniauskaitė A.* Lietuvių šeimos tradicijos. – Vilnius, 1967.
22. *Vyšniauskaitė A.* Mūsų metai ir šventės. – Vilnius, 1993.
23. Фонд Этнографии библиотеки Института литовской истории. Дело 2352.